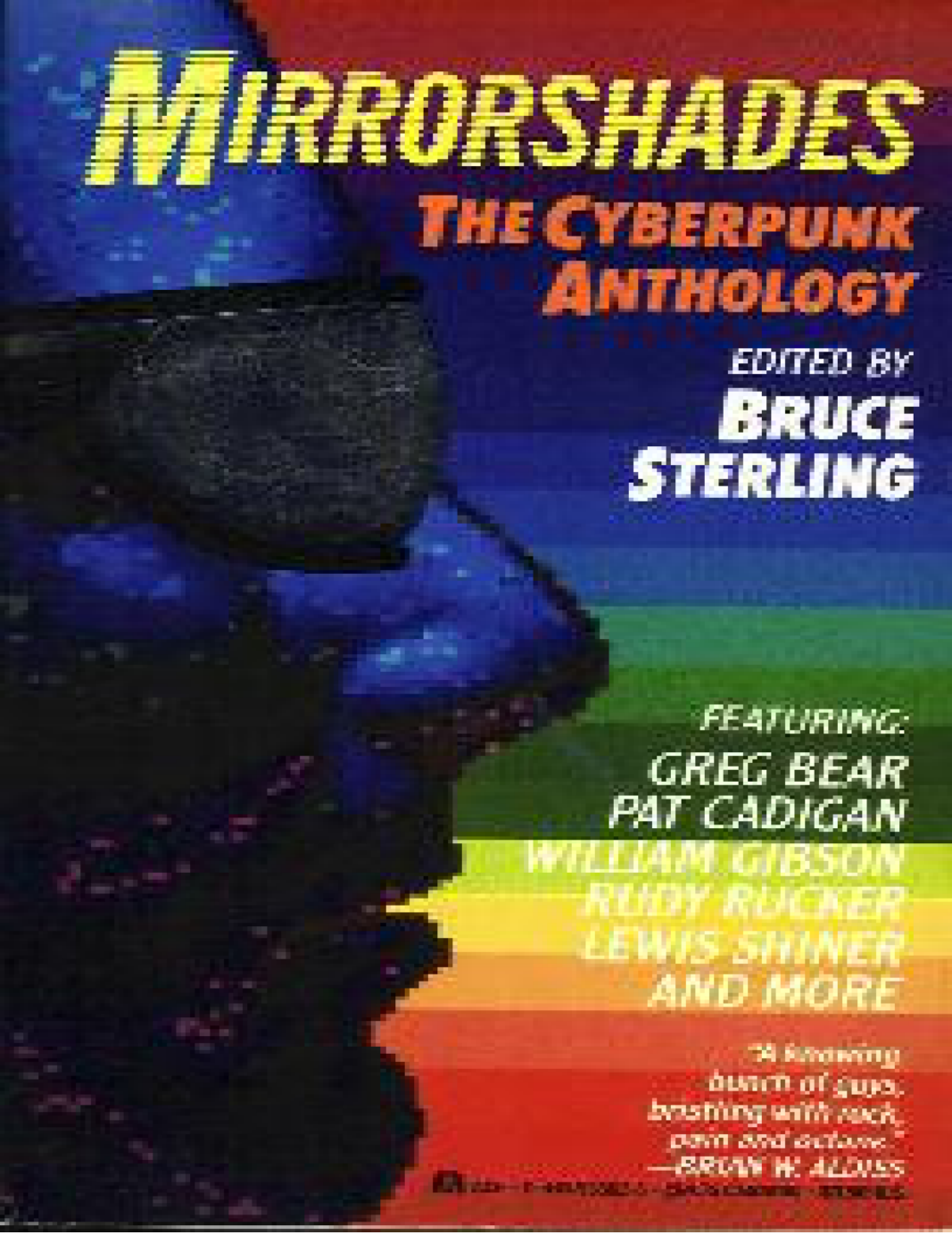
MIRRORSHADES
THE CYBERPUNK ANTHOLOGY
EDITED BY
BRUCE STERLING
FEATURING:
GREG BEAR
PAT CADIGAN
WILLIAM GIBSON
RUDY RUCKER
LEWIS SHINER
AND MORE
"A knowing bunch of guys, bristling with rock, porn and octane."
—BRIAN W. ALDISS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Знаменитый Гудини к 1918 году окончательно разорился. И чтобы поправить свои дела и свою былую популярность он согласился провести три своих знаменитых фокуса перед объективом кинокамеры…

- Руди Рюкер
  -

Руди Рюкер
Что случилось с Гудини?

Гудини был на грани разорения. Его цирк-водевиль закрылся, его городской театр близок к смерти. Предложение от Мэла Рабштейна из «Патэ Ньюс» поступило как раз вовремя.

— Аванс два куска — за три выступления.

— Я ваш.

Идея сводилась к следующему: католический священник, раввин и мировой судья должны все время присутствовать в кадре вместе с Гудини. Каждый трюк — от начала до конца — снимается на пленку, при этом используется последовательный метод Лоэ. Особым условием была спонтанность побега, отсутствие предварительной подготовки — Гудини ничего не должен знать о готовящихся трюках.

Операция началась в четыре часа утра 8 июля 1948 года. Участники врываются в дом Гудини в Левингстоне. Гудини живет там со своей матерью-калекой. Католический священник и раввин плечом к плечу вышибают дверь. Следует наезд на их бегущие черные ботинки на толстых подошвах. Освещение сначала очень неважное, но после вспыхивает переносной софит. Картинка движется рывками, дергается, ясно, что оператор бежит следом за основными участниками. Ни у кого не возникает сомнений в достоверности и неподдельности съемки.

Судья держит в руках жестяную банку с расплавленным воском, которым — при помощи раввина и священника — запечатываются глаза, уши и ноздри Гудини. Смуглое лицо мистериозо обработано прежде, чем тот успевает проснуться, — тем самым предотвращены попытки к сопротивлению, и вот он уже лежит — расслабленный и полностью покорившийся похитителям. Гудини готов. Участники оборачивают его бандажами Айса и стягивают полосами медицинского пластыря, превратив в мумию, в сигару «Белый орел».

Эдди Мачотка, штатный оператор «Патэ», с целью сокращения просмотрового времени по пути к взлетному полю использует стробоскопическую съемку. Камера делает один кадр в десять секунд, в результате получасовой переезд занимает всего две с половиной минуты на экране. В кабине темно, камера расположена под плохим углом, но все по-прежнему выглядит очень убедительно. Ясно, что это не монтаж. На коленях священника, раввина и судьи, расположившихся на заднем сиденье «паккарда», лежит похожий на батон белого хлеба

Гудини, изображение которого время от времени чуть дергается из-за смещения камеры.

Машина выруливает прямо на взлетную полосу и останавливается под открытым бомболюком Б-15. Эдди выбирается на бетон полосы первым и тщательно фиксирует на пленку трех неподкупных свидетелей, извлекающих Гудини из кабины «паккарда». Затем план смещается так, что вместе с ними в кадре появляется самолет. На носу аэроплана намалевано его имя — «Грязная Леди».

«Грязная Леди»! Это вам не какой-то там кукурузник, ненадолго отвлекшийся от опрыскивания посевов, с резервистом Первой мировой за штурвалом; это сам папаша Джонни Галлио на своей Небесной Голубке, а с ним его Летучая Команда экстра-класса! О пощаде не мечтайте! Джонни Галлио, прославленный ас тихоокеанских фронтов Второй мировой, с ним его верный штурман Джонс Лысая Покрышка и второй пилот Нытик Макс Московиц — ни больше, ни меньше!

Джонни Г. сдвигает кокпит и спрыгивает на бетон, не слишком торопливо, но и не слишком медленно, а просто вальяжно — он крутой парень, этот Джонни Летная Куртка. Нытик Макс и Лысая Покрышка свешивают головы из открытого бомболюка — они скалят зубы и готовы начать потеху.

Мировой судья достает из жилетки карманный хронометр с репетиром. Камера делает наезд: 4:30, — и снова берет крупный план: на западе небо уже розовеет.

А что Гудини? Его подвешивают к бомбодержателю в утробе «Грязной Леди», но он не может ничего об этом знать. Он ничего не видит, ничего не слышит и ничего не чует. Однако он тих и спокоен, он доволен тем, что съемкой документирован каждый шаг, что любой желающий увидит, насколько все правдиво.

Все забираются в бомбардировщик. Когда доходит очередь до Эдди, картинка начинает ужасно скакать и переворачиваться. Потом оператор показывает нам Гудини, длинного и белого червяка, личинку неизвестного науке насекомого, которая наконец начинает проявлять первые признаки беспокойства. Она извивается, но крепление бомбодержателя цепко ее держит. Нытик Макс, похожий на огромного рабочего муравья, с усмешкой склоняется над Гудини.

Джонни Г. запускает двигатели, которые, прокашлявшись, начинают гудеть ровно и мощно. Католический священник и раввин сидят на низкой скамье и о чем-то толкуют: черные одежды, бледные лица, серые зубы.

— У вас найдется что-нибудь перекусить? — спрашивает священник.

Католик — плечистый молодой блондин. Кажется, что под его сутаной скрывается одна из горгулий Нотр-Дама.

Раввин невысокого роста, в черной ермолке и с тощей бородкой. У него рот Франца Кафки, губы дрожат и кривятся, словно от тика, он часто показывает зубы.

— Насколько я понял, после возвращения нам в терминале накроют завтрак.

Священнику за все про все заплатили две сотни, раввин получил триста. У него более известное имя. Если побег пройдет благополучно, то они примут участие и в следующих представлениях в качестве свидетелей. Это им обещано.

«Грязная Леди» не слишком велика, и куда бы ни смотрела камера Эдди, белый кокон Гудини или хотя бы его часть всегда находится в кадре. Впереди, над креслом пилота, виден профиль Джонни Г., симпатяги Джонни, который сейчас выглядит не лучшим образом. Его верхняя губа усеяна каплями пота — результат похмелья. Переход к мирному времени дается Джонни тяжело.

— Поднимай малютку вверх по спирали, — негромко напутствует Джонни Лысая Покрышка. — Знаешь диванную пружину, Джонни? Вот так.

В квадратном иллюминаторе видно, как горизонт наклоняется и начинает медленно скользить по кругу. Так продолжается до тех пор, пока бомбардировщик не достигает белого облачного одеяла и мир не скрывается в тумане. Макс следит за альтиметром, время от времени оглядываясь на камеру и весело скаля зубы. Они вырываются из молочного марева, и яркий солнечный свет заливает раскинувшуюся во все стороны бескрайнюю облачную страну — Джонни правит прямо на солнце… если его не остановить, он будет поднимать свою железную птицу все выше и выше… но они набрали уже достаточную высоту.

— Приготовиться к бомбометанию! — кричит Лысая Покрышка. Католический священник осеняет себя крестным знамением. — Огонь!

Нытик Макс дергает рычаг бомбосброса. Крупный план: белая гусеница Гудини в похожем на гроб бомбодержателе. Распахивается люк, и чуть согнутый белый огурец начинает медленно падать вниз, в облака. Но вот поток воздуха подхватывает один его конец, и белый червяк начинает крутиться, вся быстрее и быстрее, — на фоне ярко-белых в солнечном свете клубов небесного пара он кажется почти серым.

Эдди удерживает Гудини в кадре, пока это возможно. Мастер побегов несется навстречу плотным округлым облакам, похожим

на сваленные кучей куриные яйца. Внезапно Гудини начинает освобождаться от пут. Можно видеть, как полоса бандажа трепещет в потоке воздуха и тянется за ним длинным вымпелом, но вот — хлоп! — Гудини исчезает в облаке.

Бомболюк закрывается, и камера возвращается к тем, кто находится внутри бомбардировщика. Эдди и звукооператор обходят присутствующих, интересуясь их мнением по поводу того, удастся ли Гудини выбраться на этот раз.

— Уверен, что да, — первым отвечает раввин.

— Понятия не имею, — отзывается католик, уже мечтающий о завтраке.

— Не представляю, как он сможет теперь спастись, — это Нытик Макс. — По идее, ему предстоит врезаться в землю на скорости две сотни миль в час.

— Всем нам когда-то приходится умирать, — таково мнение Джонни Г.

— На его месте я попытался бы устроить из бандажей ленточный парашют и тормозить им, — Лысая Покрышка.

— Это невероятно, — мировой судья.

К тому времени, когда «Грязная Леди» возвращается на аэродром, из облаков начинает сеять мелкий дождь и широкие покрышки шасси уже разбрызгивают лужи. Первым выбирается Эдди и снимает высадку участников и их шествие к небольшому терминалу, где нет совершенно никого, кроме…

В дальнем углу зала ожидания спиной к вошедшим стоит человек в пижаме и увлеченно гоняет шарик в автомате с пинболом. Он курит сигару. Кто-то окликает его, и он поворачивается. Гудини.

Где бы Гудини ни устраивал свои трюки, его везде сопровождает престарелая мать. Злые языки утверждают, что она любит наблюдать за ловкими проделками сына. Однако на этот раз на пожилой леди лица нет, из ее глаз текут слезы, седые волосы всклокочены. Очень много их рассыпано по полу вокруг инвалидного кресла-каталки.

По возвращении домой Гудини немедленно падает на колени и молит мать до тех пор, пока не получает от нее разрешения продолжить съемку фильма. Рабштейн из «Патэ» уверяет, что для полноты картины не хватает еще пары трюков.

— А уж затем — никакой магии! — торжественно клянется Гудини. — Я присмотрел магазинчик музыкальных товаров — денег хватит.

— Мой мальчик…

Следующий побег должен состояться в окрестностях Сиэтла,

куда Гудини и его мать доставляют самолетом. Рабштейн особенно настаивает на том, чтобы в съемки самого Гудини вставлять кадры с реакцией его матери. Они селятся в уединенном домике на окраине города, детали предстоящего трюка им неизвестны.

Пока идет подготовка, Эдди Мачотка документирует долгие прогулки сына и матери возле бесконечных доков Сиэтла. Гудини ест в ресторанчике крабов. Его мать покупает шляпку с вуалью. Гудини помогает матери надеть парик.

Четыре молчаливые фигуры в черных прорезиненных плащах выбираются из причалившего близ домика Гудини рыбацкого бота. Гудини не может не слышать их тихих шагов, но не удостаивает их даже поворотом головы, он само спокойствие и уверенность. И вот четверка уже рядом с ним: это католический священник, раввин, мировой судья, а кроме того, на сей раз с ними еще и врач — похоже, это доктор Рэкс Морган собственной персоной.

Когда доктор Морган достает шприц, пожилая леди начинает пронзительно кричать и не умолкает все время, пока врач погружает Гудини в сон уколом пентотала натрия. Великий мастер побегов не оказывает ни малейшего сопротивления, он покорно следит за происходящим, и улыбка не сходит с его губ даже тогда, когда он наконец теряет сознание. Пожилая леди бьет врача сумочкой, потом раввин и священник поднимают ее на руки и переносят в рыбацкий бот. Возвратившись, они помогают доктору и судье отнести в бот Гудини.

В боте за штурвалом мы видим Джонни Г., его Летучая Команда снова в сборе. Ас Джонни может летать на чем угодно, даже на рыбацких ботах. Глаза его налиты кровью, ему определенно не по себе, но с помощью верного штурмана Лысой Покрышки ему удается выйти из гавани и войти в реку, по которой производится лесосплав. Все это занимает целых два часа, которые стараниями Эдди ужимаются в десяток минут… Гудини спокойно лежит внутри половинки распиленного вдоль и выдолбленного бревна и спит сном праведника — время от времени врач вкалывает ему очередную дозу.

Рыбацкий бот направляется к запруде перед лесопилкой, где плавает с дюжину сосновых стволов. У Нытика Макса и судьи уже готово ведерко с гипсом, которым они принимаются сначала запечатывать все лицевые отверстия Гудини, предварительно вставив ему в рот дыхательную трубку, а потом и полностью заливать его внутри выдолбленного бревна. Рядом лежит вторая половинка бревна, которой они накрывают Гудини, — торчащая наружу дыхательная трубка замаскирована под сучок. До самого

конца операции Гудини так и не приходит в сознание, он накрепко залит быстросхватывающимся гипсом и напоминает мертвого червя. Поднатужившись, раввин, католический священник, мировой судья и доктор Морган вываливают начиненный чурбан за борт.

Слышен плеск, чурбан с Гудини погружается в воду и через несколько секунд всплывает где-то среди своих ожидающих распилки братьев-близнецов. Всего в запруде теперь десять одинаковых бревен, и внутри какого из них находится Гудини, сказать невозможно. Лесопилка запускается, пила гудит, и зубцы конвейера подхватывают первое бревно.

Камера показывает крутящиеся перед входным раструбом бревна, на заднем плане видна мать Гудини, рвущая волосы на своем парике. Раздается душераздирающее ВВЖЖЖАААА33333СС! — первое бревно проходит через пилу. Камера поворачивается, и все видят, как две половинки только что распиленного поперек бревна утягиваются по направляющим куда-то за бешено вращающийся диск пилы.

ВВЖЖЖАААА33333СС! ВВЖЖЖАААА33333СС! ВВЖЖЖАААА33333СС! От конвейера летят струи опилок. Один за другим бревна цепляются зубцами и затягиваются под пилу. Хочется отвести глаза и не смотреть, но нет сил… вот-вот брызнет кровь и во все стороны полетит полупереваренная пища. ВВЖЖЖАААА33333СС!

Джонни Г. отпивает глоток чего-то укрепляющего из своей плоской серебряной фляжки. Его губы неслышно шевелятся. Что он шепчет? Шлет проклятия? Молится? ВВЖЖЖАААА33333СС! Лошадиное лицо Нытика Макса покрыто бисеринами пота, он на пределе, его улыбка застыла как приклеенная. На затылке парика матери Гудини уже видна волосяная сетка. У Лысой Покрышки глаза лезут из орбит — они огромные и белые, как вареные яйца. Он подкрепляет свой дух из фляжки Джонни. ВВЖЖЖАААА33333СС! Католический священник утирает платком лоб, раввин… ВВЖЖХХАКККЧУХХФЕЕ!

Из-под циркулярной пилы, занимающейся девятым бревном, летит белая гипсовая пыль. Бревно распадается на две половинки, но внутри никакого Гудини нет. Выдолбленное бревно пусто! Присутствующие торопливо выбираются из бота, лезут на причал лесопилки, камера мечется во все стороны, ищет великого мага. Где же Гудини?

Среди возбужденных выкриков и призывов вдруг становится слышна песенка, доносящаяся из музыкального автомата в кафетерии лесопилки. «Сестры Эндрю». В кафетерии, весь перепачканный гипсом, за столиком сидит Гудини. Он в такт

музыке пристукивает носком туфли и жует чизбургер.

— Последний побег, — обещает Гудини. — Последний раз, и мы покупаем музыкальный магазинчик.

— Я так боюсь за тебя, Гарри, — отвечает ему снова полысевшая мать. — Что они устроят теперь, ты ведь даже не представляешь. Хотя бы малейший намек.

— На этот раз они намекнули мне — послали вот этот кусок пирога с начинкой. Мы завтра летим в Неваду.

— Надеюсь, ты будешь держаться подальше от этих девиц из варьете…

Снова мы видим католического священника, раввина, доктора Моргана и мирового судью, но теперь к ним присоединился мужчина средних лет в очках — судя по всему, типичный ученый. Они находятся в мрачном помещении с бетонными стенами, низким бетонным потолком и щелями вместо окон. Гудини в черном резиновом аквалангистском костюме сидит на стуле и развлекает всех карточными фокусами.

Ученый, определенно почитатель безвременно усопшего Альберта Эйнштейна, снимает телефонную трубку и после коротких переговоров кивает врачу. Доктор Морган мило улыбается в камеру, после чего надевает на Гудини наручники и помогает ему опуститься в вертикальный цилиндрический бак с водой. Включается холодильная установка, и довольно скоро Гудини оказывается замороженным внутри монолитного куска льда — вот вам и пирог с начинкой.

Священник и раввин открывают замки на стенках бака и разводят стенки в стороны — Гудини-взрыватель скован внутри огромной ледяной ручной гранатой, из которой торчит только его голова — спусковое кольцо. Снаружи их ожидает грузовик с гидравлическим подъемником, а также Джонни Г. и его Летучая Команда — общими усилиями они грузят Гудини в кузов. Лед, которому не следует таять под жарким солнцем пустыни, предусмотрительно оборачивается слоями утеплителя.

Две мили через пустыню, и наконец впереди появляется испытательная башня-шпиль со специальным отсеком на самой вершине. Две мили — положенное расстояние при испытании атомной бомбы, которое должно состояться сегодня в Богом забытом уголке пустыни Невада. Вместе с Летучей Командой в грузовике также Эдди Мачотка.

Панорама со стройной испытательной вышкой, у которой непристойное вздутие на самой вершине — там скрыта готовая к взрыву бомба. Одному Господу известно, за какие тайные нити

пришлось потянуть Рабштейну, чтобы устроить для «Патэ» такое испытание.

Прямо под треножником башни в земле, на отметке «ноль», вырыта цилиндрическая яма с ровными краями, куда с великой осторожностью опускают кусок льда, в который вморожен Гудини. Над землей остается видна только его голова, напоминающая сейчас улыбающийся кактус-пейотль. Участники усаживаются в грузовик и на всех парах мчатся обратно к бункеру.

Эдди снимает все от начала до конца, без каких-либо сокращений. В бункере, разумеется, находится и мать Гудини, руки которой опять в волосах, выдранных из парика. Ученый протягивает старухе игральную кость.

— Мы решили дать ему шанс, миссис: команда на взрыв будет отдана только тогда, когда вы выкинете «змеиные глаза». Два очка — понимаете?

Камера показывает крупным планом лицо пожилой леди, в глазах которой застыло отчаяние. Она медленно-медленно трясет кость в кулаке и бросает ее на пол.

Змеиные глаза!

Прежде чем кто-то успевает что-нибудь сказать, ученый нажимает на кнопку — на его лице безмятежное и отстраненное выражение. И тут же в бункер врывается поток режущего света — все черное в этом свете превращается в серое. Вслед за адской вспышкой приходит ударная волна, и мировой судья валится на пол — с ним что-то случилось, возможно, сердечный приступ. Ужасающий рев раздирает воздух. Изрезанные четкими тенями лица участников видны под разными ракурсами.

Грохот взрыва стихает, и все слышат, как снаружи кто-то весело насвистывает мотивчик из варьете!

Все бросаются к двери, побледневший ученый бежит первым. Он отпирает дверь, распахивает ее настежь и выбирается наружу, за ним толпятся остальные — Эдди снимает поверх голов.

Это Гудини! Да, это он! Он в белом комбинезоне, он обнимает за талии двух полногрудых девиц из пип-шоу!

— Давайте мои деньги! — кричит он. — Я ухожу на пенсию!